

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

ГОРЯЧАЯ СВАДЬБА

МОСКВА
2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Небо синее, бесконечно синее — на всю глубину космоса, солнце в зените, на горизонте облака, верхний слой которых кажется белым и пушистым, а нижний — сизым и плоским. Слева пшеничные поля, простроченные лесополосами, справа — бескрайняя степь, по ней, поднимая пыль, несется табун лошадей. Увидеть табун лошадей можно, наверное, только в донских степях, и то, скорее всего, это редкое явление, свидетелем которого стал Родион Фомин. И куда, спрашивается, он едет! Его место в Москве, там друзья, там настоящая служба, а в эти места он ехал в изгнание.

Справа степное разнотравье закончилось, уступив место колосющимся полям. Теперь и справа пшеница, и слева, но это неудивительно, ведь впереди Родиона ждала станица Пшеничная. Должность, правда, не самая хлебная — участковый уполномоченный, но так он и не привык служить корысти ради. Потому и машина у него старая, хотя и престижной марки. «Икс-пятый» «БМВ» девяносто девятого года рождения, мож-

но сказать, первенец модельной линейки. Германская сборка, не убиваемый движок, а главное, кондиционер не подводит, а жара в степи знатная, руку из окна высунешь — обожжет.

Дорога пошла под уклон, поля закончились, потянулись луга, с холма открылся вид на реку, вдоль которой в окружении пойменных лесов раскинулась станица Пшеничная. Церковь, партройка двухэтажных зданий, саманные и кирпичные дома под шиферными крышами, утопающие в зелени садов.

У самого въезда в станицу косо стоял дорожный знак с указанием населенного пункта. Фомин не усмотрел в этом нарушении чьего-то злого умысла, просто земля под бетонной опорой просела, но машину он все-таки остановил. И только тогда задался вопросом: выходить или не выходить?

К новому месту службы Родион прибывал с опозданием, в районном центре он уже получил за это втык, но не отставку. А могли бы представить и к увольнению, за нарушение условий контракта. И это в довесок к тому, что не так давно его понизили в звании — за проступок, порочащий честь сотрудника внутренних дел. Он, конечно, сам виноват, дал волю своему гневу, распустил руки. И все из-за девушки, которую очень любил. История темная, с выходом в так называемые высшие круги общества. Сынок высокопоставленного папы Варшавин положил глаз на его Валерию, а получив отказ, подставил ее под

статью Уголовного кодекса, Родиона подлость сынка вельможи взбесила, он не смог справиться с эмоциями, в итоге понижение и в должности, и в звании. Но Варшавину этого наказания показалось мало, он поставил вопрос об увольнении Фомина, вмешалось начальство, Родиона решили перевести от греха подальше на службу в дальние края. Друзья узнали, в какую колонию направили Леру, устроили перевод в Ростовскую область, но пока готовился приказ о переводе, обстоятельства резко изменились. Суд апелляционной инстанции пересмотрел дело и смягчил наказание, изменив реальный срок лишения свободы на условный.

Лера вернулась домой, но Родион остаться с ней не смог. Варшавин держал руку на пульсе событий, ему ничего не стоило вернуть Леру в заключение. Молодой он, всего тридцать два года, а уже полковник юстиции, видный представитель Следственного комитета, на хорошем счету у начальства, любимый сын облеченного властью папочки. Условие мажор поставил простое, но категоричное: или Родион отправляется в ссылку, или его Лера снова предстает перед судом — по вновь открывшимся обстоятельствам. И ведь предстанет...

Родион вздохнул и все-таки вышел из машины, обошел знак. Земля под бетонным основанием действительно сползла в кювет, можно чуть приподнять столб, просунуть под фундамент камень. Исправить просто, нужно только желание. Или чувство должностной ответственности. Он ведь

не просто участковый, а фактически начальник местной полиции, дорожный знак — его епархия.

Камень Фомин нашел, спустился в пересохший кювет, поднатужился, надавил на столб, в этот момент и послышался шум двигателя. Из станицы выезжал автомобиль, который он принял за багги. Руль, четыре колеса, рамный кузов, тент вместо крыши. А за рулем девушка. Родион еще не мог сказать, какие у нее глаза, нос, губы, но уже понял, что наездница более чем хороша собой. Нежный овал лица, густые длинные волосы темно-русого цвета, черные как смоль брови, под которыми огнем светился задорный взгляд черных глаз. Светло-зеленая футболка с принтом, темно-синие джинсы с искусственной рванинкой на коленке, кроссовки. Никаких тебе платков, кофт и юбок, в которых щеголяли хрестоматийные казачки.

Родион держал столб практически у самого основания, ему бы взяться чуть повыше, тогда и силы хватит его выровнять. А так он всего лишь смог слегка пошатнуть столб. Подняться, выйти из кювета он, конечно, мог, но как тогда подложить камень под основание? Родион вплотную приблизился к столбу, ухватился за него сантиметров на десять выше прежнего места. Родион еще не прикладывал к столбу никаких усилий, а пот уже каплями катил со лба. Жара стояла невероятная.

Девушка тем временем подъехала к нему, остановилась, покинула свою самоходную повозку.

— А что вы здесь делаете? — спросила она.

А ведь правда красивая — черные и жгучие, как в романсе, очи, взгляд из глубины души, изящный носик, чувственный рот и фигура, на которую хотелось смотреть и смотреть. Яркая, загорелая...

— Знак выравниваю.

Он снова надавил на столб и даже смог выровнять его, но вместе с этим лишился возможности подсунуть камень под опору. Черноглазая кивнула, глядя на Родиона, двумя руками взялась за столб, потянула на себя.

Ему хватило всего пару-другую секунд, чтобы подложить камень. Он выбрался из канавы, собираясь окончательно выровнять столб, но девушка не отпускала его. Не удерживала, не тянула, не отталкивала, просто стояла, взявшись за столб руками. И при этом смотрела на Родиона с девичьим любопытством и в смелом ожидании. Но его самого чувственные волны обходили стороной. Все мысли о Лере, да и девушка слишком уж юная для него, лет восемнадцать, не больше. А может, и семнадцать всего. Если не шестнадцать.

— Спасибо тебе! — вежливо-официальным тоном поблагодарил Фомин.

— Кому мне? — сощурив один глаз, спросила девица.

— Я не знаю.

— Ну так узнай!.. — с грубостью разочарованной девушки усмехнулась она. И наконец-то отпустила столб. — Познакомься!

— Ну да, — кивнул он.

— Что ну да?.. Майя меня зовут.

— Спасибо тебе, Майя!

— Спасибо тебе, Мая!.. — передразнила девушка, без всякого стеснения меняя милость на гнев.

Родион взялся за столб, в два-три движения окончательно выровнял его и, достав из кармана платок, смахнул со лба пот.

— Чего к столбу прибодался? — спросила Майя.

Родион, похоже, попал к ней в немилость, но почему тогда она не уезжает? Села бы в свой багги... нет, в квадроцикл с крышей и скатертью дорога.

— Примета плохая, въезжать в город через кривой указатель.

— У нас не город.

— Но указатель-то кривой. Был, — улыбнулся Родион.

— Ну тогда въезжай!.. — усмехнулась Майя, усаживаясь за руль. — Если сможешь!

— Почему не смогу?

Майя сорвала свой агрегат с места и, набирая ход, громко крикнула:

— Да потому что ты не въезжающий! — И также громко засмеялась, довольная своей шуткой.

По асфальту она проехала метров двести, Родион уже сел в машину, когда квадроцикл свернул с главной дороги и помчался по пыльному проселку в объезд станицы.

Опорный пункт полиции находился, как и предполагалось, в центре населенного пункта. Вымощенная плиткой главная площадь, за цве-

точной клумбой здание «сельсовета», слева от управы двухэтажная школа, справа — клуб с колоннами, дальше по улице — церковь, за ней магазин и только затем уже, за перекрестком — участковый пункт.

Обыкновенный кирпичный дом, разделенный на две части. В одной, большей половине, офис под российским триколором, в другой, судя по всему, складское или даже жилое помещение. Главный вход — с улицы, никаких преград, свернуть с тротуара, подняться на крыльцо и можно заходить. Если удастся открыть дверь. Родион войти не смог. Закрыт пункт полиции, причем без объявления причины.

В жилую часть здания можно было зайти с той же улицы, но через калитку, забор огораживал участок, прилегающий к дому. Участок сплошь засажен помидорами, даже место за воротами, где Родион мог бы поставить машину, и то распаханно-засеяно. И в этом огороде полол тяпкой пожилой грузный мужчина с рыжеватой сединой под широкополой шляпой. Лето, жара, солнце все еще высоко, а он как робот — тяп-тяп, и быстро так, сноровисто. Клетчатая рубашка с длинным рукавом, треники, заправленные в носки, калоши, от жары лицо красное, как томаты на кустах. А помидоры крупные, где-то уже спелые, где-то не очень, но все — хоть сейчас на выставку.

Мужчина не заметил подъехавшей машины, но стоило Родиону тронуть рукой калитку, сразу же

поднял голову, повернулся к нему, глянул, близко-руко прищурившись.

— Капитан полиции Фомин, — представился Родион.

— Ну, наконец-то! — расплылся в улыбке мужчина.

Он, казалось, вот-вот сорвется с места и бросится к Родиону с распростертыми объятиями. Но нет, он вдруг вернулся к своему прежнему занятию.

Ему хватило всего нескольких взмахов, чтобы закончить рядок, всего пять-шесть секунд. И он снова переключился на Родиона. Отставил тяпку, с улыбкой на губах подошел к забору, открыл калитку.

— Майор полиции Маслюк!.. Считай, в отставке майор, — весело, но с грустью в глазах сказал он. — Сейчас сдам тебе дела и уйду в отставку.

— Эти, что ли, дела? — Родион настороженно кивнул на помидоры.

Вдруг это подсобное хозяйство на балансе действующего участкового, но под контролем районного начальства? Он-то с тяпкой, может, и управится, но не хотелось бы. Огород занимал пять-шесть соток, ему такое счастье и даром не нужно.

— А чем не дела? — хитро сощурился Маслюк. — Помидор смотри какой! Сказка!

Он даже нагнулся, чтобы сорвать плод с куста, но в самый последний момент передумал. Все правильно, и без того видно, какого качества томат.

— Медом пахнут! — разгибаясь, сказал майор.

— И потом, — кивнул Родион.

— Вот-вот... Земля у нас здесь знаешь какая! Помидорчики как огурчики!..

— Это хорошо.

— Это очень хорошо! Вам, городским, этого не понять! А ты чего стоишь, давай, заходи!

Маслюк распахнул калитку, по гравийной дорожке провел Родиона к беседке из винограда, в тени которой и находился вход на жилую половину. А виноград не дикий, как в Подмосковье, а самый что ни на есть окультуренный, правда, еще зеленый. Маслюк не преминул обратить на это внимание.

— Знаешь, сколько я вина с Изабеллы делаю? Целую бочку! — сказал он, выставив перед собой широко разведенные руки.

— Хорошо у вас тут.

— Сядешь, бывало, вино, шашлычок... — мечтательно закатил глаза Маслюк. И, опомнившись, с благодушной улыбкой глянул на Родиона: — Тебе, капитан, у нас понравится... Женатый?

— Не совсем, — вздохнул Родион.

Варшавин связал их с Лерой по рукам и ногам, но если бы вместе, в один узел, но нет, он здесь, она в Москве. Они хотели расписаться, но не рискнули. Любой неосторожный шаг мог усугубить и без того незавидное положение девушки... Ну да ладно, главное, что Варшавин больше не склоняет Леру к сожителству. Пытался, обжегся, больше не настаивает. Но и Родиону ее не отдает.

Ничего, время и лечит, и успокаивает. Лера держит осаду в Москве, а он будет вести себя ровно здесь, а там, через годик или даже раньше, Варшавин найдет себе новую забаву. У них, у патрициев нового времени, бурная жизнь, столько удовольствий им отпущено, а человеческий век такой короткий, все нужно успеть перепробовать.

— Ничего, женишься. Знаешь, какие у нас тут девки!

Маслюк не стал развивать пышную, но не наполненную содержанием мысль. Они прошли в дом и оказались в коридоре, который совмещал в себе и прихожую, и кухню. Дальше спальня, шкаф в ней лакированный, кровать с пружинным матрасом, письменный стол, стул. Стены свежеразбеленные, полы также недавно красили, но вид у комнаты все равно сиротливый. И гулкое эхо в ней, как бывает в помещении, лишенном души.

Судя по длинному ряду гвоздиков, набитых на стене, на ней раньше висел ковер, на полу, похоже, лежал палас, со стола все убрано, в шкафу только стопка белья и какие-то старые куртки, плащи, которые и носить уже не прилично, а вот выбросить, видимо, жалко. Не так давно в окне стоял кондиционер, но его уже нет, проем под него наспех заделан фанерой. Даже занавески с окна сняты.

— Матрас хороший, кровать крепкая, — сказал Маслюк, похлопав по деревянной спинке кровати. — Я сам иногда, бывало, прилягу.

— Ну да, — усмехнулся Родион.

Хорошо Маслюк устроился, и комната отдыха у него здесь, и приусадебный участок, вино, шашлыки. А комнату он благоустроил, и ремонт сделал, и кондиционер поставил, но его время закончилось, и преемнику досталась только казенная мебель. Даже белье и то из каких-то армейских складов, потемневшее от беспощадных стирок. Впрочем, жаловаться Родион и не думал. Хорошо, Маслюк штукатурку с побелкой со стен не содрал, и на том спасибо.

— Буду осваиваться, — кивнул он. И, немного подумав, спросил: — Машину куда можно поставить?

— Машину? — цокнув языком, переспросил Маслюк. — А машину можно припарковать у ворот.

— Люди там ходят. И по ночам тоже. Поцарапают.

Машина у Родиона старая, а перекрашена она недавно, даже царапины еще не успели появиться. Но появятся. Полицейских в народе не все любят, а станица, судя по всему, не маленькая, в такой семье обязательно найдется урод, который захочет блеснуть своей глупостью, в лучшем случае колеса спустят, а в худшем, и угнать могут.

— А что люди? Народ у нас спокойный! А если вдруг, казачкам скажешь, они враз подлеца отыщут.

— Казачкам?

— А дружина, добровольные помощники, куда без них? Сам-то ты, конечно, не казак...

— Это плохо?

— Да нет... Плохо, если ты здесь временно, если душа не лежит. Люди все видят, их не обманешь, как ты к ним, так и они к тебе, такая вот у нас тут юриспруденция, — усмехнулся Маслюк.

— Ну что ж, людей обманывать не буду, — невесело сказал Родион.

Он не искал легких путей, за спинами товарищей не прятался, всегда старался находиться на острие событий, но его дело серьезных преступников ловить, бандитов и убийц. К своим тридцати четырем годам Родион кое-чего достиг по карьерной части, не так давно возглавил отделение по борьбе с организованными преступными формированиями общеуголовной направленности в составе оперативно-разыскной части. В следующем году мог бы стать подполковником, но из-за какого-то убудка в погонах вернулся к капитанскому званию. Его место там, в Москве, на переднем крае борьбы с преступностью, но раз уж так вышло и он здесь оказался, то и в ссылке он должен служить с полной отдачей сил, да по-другому у него, пожалуй, и не получится.

— Вот и хорошо... А помидоры мои здесь пока пусть побудут, соберем урожай, а там посмотрим. Может, тебя здесь уже не будет.

Спорить Родион не стал. Плохо служить здесь он точно не станет, но, если вдруг труба позовет его обратно в Москву, он сорвется с места не задумываясь.